

Семенов В.Н.

Государственный комитет судебных экспертиз Республики Беларусь, Минск,
Беларусь

Вариативность структурной организации психологических свойств личности у преступников с диссоциальным расстройством личности

Среди различных психических аномалий расстройства личности (РЛ) характеризуются наиболее высоким риском совершения насильственных и ненасильственных криминальных действий [1]. Однако по наблюдениям от-

еественных и зарубежных исследователей лишь некоторые формы РЛ характеризуются высоким риском криминального поведения. Из этого следует, что патопсихологическая структура одних РЛ препятствует, а других способствует криминальному поведению. Диссоциальное расстройство личности (ДРЛ), наряду с истерическим и эмоционально-неустойчивым, относят к категории РЛ, характеризующихся высоким риском криминального поведения [1, 2, 3].

Лица с ДРЛ по сравнению с представителями других вариантов РЛ проявляют пренебрежение к социальным нормам, черствое и равнодушное отношение к чувствам окружающих, неспособность извлекать положительные уроки из собственного негативного опыта, низкую переносимость фрустрационных воздействий и готовность к незамедлительному агрессивному поведению в ответ на незначительные фрустрации. В своих неудачах и проблемах такие лица обвиняют окружающих, а своему антисоциальному поведению находят благовидные объяснения.

Поведение, наблюдаемое при ДРЛ, представляет собой континуум, на одном конце которого находятся лица, ведущие пассивный и эксплуатирующий (асоциальный) образ жизни, а на другом – жестокие убийцы [2, 3]. Наиболее обширную группу в поведенческом континууме образуют лица с ДРЛ, которые наряду с асоциальным поведением совершают криминальные действия различного характера и степени тяжести. Одной из особенностей криминального поведения лиц с ДРЛ является его разнообразие [1]. Однако вариативность криминального поведения, характерная для преступников с ДРЛ, может маскировать неоднородность структурной организации психологических свойств и связанную с ней специфичность криминальных действий. Обоснованность подобного предположения базируется на используемой в Международной классификации болезней 10-го пересмотра (МКБ-10) процедуре диагностики ДРЛ, при которой диагноз устанавливается лишь при наличии 3 признаков из 6 возможных. Подобная процедура имплицитно выражает мысль о существовании клинических разновидностей ДРЛ.

Оценка характера и структуры криминального поведения при ДРЛ, по данным различных исследований, является неоднозначной. Часть исследователей сходится во мнении о том, что при ДРЛ в основном совершаются ненасильственные преступления [1]. Другая часть исследователей приводит данные, подтверждающие факт высокой распространенности насильственных преступлений среди лиц с ДРЛ [4, 5].

Дискуссионность вопроса о специфике криминального поведения у лиц с ДРЛ, отсутствие однозначных научных данных о структурной организации психологических свойств у преступников с ДРЛ, совершающих ненасильственные и насильственные правонарушения, определили объект, предмет и цель настоящего исследования. Объектом исследования являлись лица с ДРЛ,

совершившие насильственные и ненасильственные правонарушения. Предметом исследования стали особенности структурной организации психологических свойств у лиц с ДРЛ, совершивших насильственные и ненасильственные правонарушения.

Цель исследования в контексте обсуждаемой проблемы состояла в выявлении специфики структурной организации психологических свойств у преступников с ДРЛ, совершивших насильственные и ненасильственные правонарушения.

На 1-м этапе исследования путем операционализации диагностических критериев, используемых в МКБ-10 для постановки диагноза ДРЛ, был определен комплекс психодиагностических методов и перечень измеряемых с их помощью психологических характеристик, представленный следующими 30 психометрическими показателями, разделенными на 8 групп: 1) нравственные чувства: совестливость (СВ), чувство вины (ЧВ) и эмпатия (ЭМП); 2) общительность (ОБЩ); 3) асоциальные и антисоциальные эмоциональные переживания: негативизм (НГ), подозрительность (ПОД), обида (ОБ) и индекс враждебности (ИВ); 4) асоциальность (АС); 5) общий и частные показатели интернальности субъективного контроля: общая интернальность (ОИ), интернальность в области достижений (ИД), неудач (ИН), семейных отношений (ИСО), производственных отношений (ИПО), межличностных отношений (ИМО) и здоровья (ИЗ); 6) формы агрессивного поведения и показатель общей агрессивности: физическая (ФА), вербальная (ВА) и косвенная (КА) агрессия, агрессивная мотивация (АМ) и индекс агрессивности (ИА); 7) варианты фрустрационных эмоциональных реакций: раздражение (РЗДР), гнев (ГН), страх (СТР) и бессилие (БС); 8) Варианты поведенческих реакций в ситуации фрустрации: активная агрессия (АА), асертивная реакция (АР), пассивная агрессия (ПА), подавленная агрессия (ПДА) и бегство-уход (БУ).

На 2-м этапе в соответствии с целью исследования были сформированы 3 выборки, общая численность которых составила 174 человека. Все испытуемые были разделены на 3 группы: основную (1-я группа) и 2 контрастные (2-я и 3-я группа). Первая группа (n=56) состояла из испытуемых с ДРЛ, совершивших насильственные правонарушения. Средний возраст испытуемых в этой группе составил $29,5 \pm 7,4$ года (от 17 до 48 лет). Во 2-ю группу (n=58) вошли испытуемые с ДРЛ, совершившие ненасильственные правонарушения. Средний возраст испытуемых в этой группе составил $27,1 \pm 6,5$ года (от 17 до 48 лет). Третья группа (n=60) состояла из испытуемых, не имеющих психических расстройств и не привлекавшихся к уголовной ответственности. Средний возраст испытуемых в этой группе составил $26,6 \pm 7,1$ года (от 17 до 43 лет). Распределение испытуемых по полу (мужчины) являлось идентичным в 3 группах. Между испытуемыми из 1-й и 2-й групп ($p=0,08$) и

1-й и 3-й групп ($p=0,63$) не выявлено значимых различий в распределении по возрасту. Лишь у испытуемых из 2-й и 3-й группы имелось значимое различие в распределении по возрасту ($p=0,03$). Поскольку психологические свойства, исследуемые у лиц с ДРЛ, впервые проявляются в раннем возрасте (до 18 лет), носят стабильный и тотальный характер, то распределение по возрасту не являлось в контексте нашего исследования значимым параметром при сопоставлении сформированных групп. Способ формирования выборок являлся случайным.

Исследование проводилось в период с 2010 по 2013 гг. на следующих базах: отдел стационарных судебно-психиатрических экспертиз и отдел стационарных судебно-психиатрических экспертиз лиц со строгим наблюдением управления судебно-психиатрических экспертиз Государственной службы медицинских судебно-психиатрических экспертиз Республики Беларусь; исправительные учреждения «Тюрьма № 8» и «Исправительная колония № 1» УДИН МВД Республики Беларусь по г. Минску и Минской области; учреждения образования Белорусский государственный университет и Государственный институт управления и социальных технологий Белорусского государственного университета Республики Беларусь; специальная рота отдельного батальона милиции городского управления Департамента охраны МВД Республики Беларусь.

Для диагностики выделенных психологических характеристик был использован следующий набор психодиагностических методик: психодиагностический тест (ПДТ), разработанный Л.Т. Ямпольским, методика диагностики показателей агрессии, разработанная А. Бассом и А. Дарки, опросник для диагностики способности к эмпатии, разработанный А. Мехрабианом и М. Эпштейном, методика диагностики уровня субъективного контроля, разработанная Дж. Роттером, шкала провокации агрессии (APQ – Aggressive Provocation Questionnaire) для оценки эмоционального и поведенческого реагирования в ситуации провокации агрессии, разработанная D.B. O'Connor, J. Archer and F.W.C. Wu. Статистическая обработка результатов психометрического исследования психологических характеристик производилась с помощью программы SPSS v 16.0 for Windows.

В результате применения статистической процедуры факторного анализа методом главных компонент с последующим вращением по методу Varimax с нормализацией Кайзера для определения особенностей взаимосвязи и структурной организации психологических свойств у испытуемых с ДРЛ, совершивших насильственные и ненасильственные правонарушения, были получены 4 факторные структуры для группы испытуемых с ДРЛ (независимо от типа правонарушения) и отдельно для испытуемых из 1-й, 2-й и 3-й групп. В целях оптимизации статистической процедуры в список психологических пере-

менных, подготовленных для факторного анализа, вместо некоторых частных психологических свойств (там, где это было возможным) включались общие показатели, представляющие их усредненную или суммарную оценку. Психологические переменные, подготовленные для факторного анализа, имели по критериям КМО и сферичности Бартлетта значимую ($p=0,0001$) приемлемую либо удовлетворительную адекватность в 4 группах.

Психологические свойства в группе испытуемых с ДРЛ (независимо от типа правонарушения) образовали такие факторы, как «Готовность к агрессии асоциальной направленности» – Ф1 (27,697%), «Избегание открытой агрессии» – Ф2 (19,911%), «Моральный контроль, мотивированный совестью» – Ф3 (10,196%) и «Общительность» – Ф4 (8,649%), объясняющие 66,454% общей дисперсии.

Психологические свойства в группе испытуемых с ДРЛ, совершивших насильственные правонарушения, образовали такие факторы, как «Готовность к агрессии личностной направленности» – Ф1 (28,949%), «Избегание открытой агрессии вследствие фрустрационной пассивности» – Ф2 (21,173%), «Моральный контроль, мотивированный чувством вины» – Ф3 (10,521%), «Общительность» – Ф4 (8,785%), объясняющие 69,427% общей дисперсии.

В группе испытуемых с ДРЛ, совершивших ненасильственные правонарушения, психологические свойства образовали такие факторы, как «Готовность к агрессии асоциальной направленности» – Ф1 (29,208%), «Избегание открытой агрессии» – Ф2 (18,535%), «Моральный контроль, мотивированный совестью» – Ф3 (11,918%), «Социальная отгороженность» – Ф4 (9,072%), объясняющие 68,733% общей дисперсии.

В группе испытуемых без ДРЛ психологические свойства образовали такие факторы, как «Готовность к агрессии асоциальной направленности» – Ф1 (28,240%), «Избегание открытой агрессии» – Ф2 (14,868%), «Общительность» – Ф3 (10,495%), «Моральный контроль, мотивированный совестью» – Ф4 (7,124%), объясняющие 60,726% общей дисперсии.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что психологические свойства, составляющие клиническую картину ДРЛ, можно описать посредством четырехфакторной структуры. Четырехфакторные структуры, полученные в группах испытуемых с ДРЛ (независимо от типа правонарушения), испытуемых с ДРЛ, совершивших насильственные правонарушения, испытуемых с ДРЛ, совершивших ненасильственные правонарушения, имеют определенное сходство по входящим в их состав компонентам и отражают общую психологическую модель организации психологических свойств, составляющих клиническую картину ДРЛ. Данный факт дополнительно подтверждает

четырёхфакторная структура психологических переменных, полученная для испытуемых из группы без ДРЛ. В то же время между испытуемыми с ДРЛ, совершающими насильственные и ненасильственные правонарушения, были выявлены определенные различия в содержании отдельных факторов. Так, исследуемые с ДРЛ, совершающие насильственные правонарушения, по сравнению с исследуемыми с ДРЛ, совершающими ненасильственные правонарушения, обнаруживают готовность к агрессии личностной, а не асоциальной направленности, способны достигать избегания агрессии не только посредством подавления, но и при наличии фрустрационных переживаний, осуществляют моральную регуляцию поведения преимущественно на основе чувства вины, а не социальных норм, принципов и оценок. Данный факт свидетельствует о существовании специфических различий в структурной организации психологических свойств между испытуемыми с ДРЛ, совершающими насильственные и ненасильственные правонарушения. Этими различиями может объясняться наблюдаемая у лиц с ДРЛ специфика криминального поведения.

Литература

1. Обросов, И.Ф. Расстройства личности у осужденных в местах лишения свободы (клинико-динамический и медико-социальные аспекты): дис. ... докт. мед. наук: 14.00.18 / И.Ф. Обросов; Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского. – М, 2004. – 356 с.
2. Кернберг, О.Ф. Тяжелые личностные расстройства: Стратегии психотерапии / О.Ф. Кернберг/ Пер. с англ. М.И. Завалова. – М.: Независимая фирма Класс, 2000. – 464 с.
3. Короленко, Ц.П. Личностные расстройства / Ц.П. Короленко, Н.В. Дмитриева. – СПб.: Питер, 2010 – 400 с.
4. Dolan, M. Violence risk prediction / M. Dolan, M. Doyle //British Journal of Psychiatry. – 2000. – Vol. 177, № 4. – P. 303–311.
5. Stone, M.H. Violent crimes and their relationship to personality disorders / M.H. Stone // Personality and Mental Health. – 2007. – Vol. 1, № 2. – P. 138–153.